

Фестиваль Фонарей, проводимый в четырнадцатый год Великой Династии Цзинь, прошёл более живо, чем в предыдущие годы. В течение ночи имя Цзян Жуань стало известно по всей столице. Какое-то время все в столице говорили о недавно вернувшейся Старшей юной леди Цзян фу, её потрясающей внешности, её несравненном таланте, её уважении к этикету и её благородной манере. На самом деле, эта девушка ничуть не уступала второй молодой леди Цзян фу.

Когда на следующее утро Цзян Су Су проснулась рано, она увидела изысканный белый фонарь кролика на резном деревянном шкафу у своей кровати. Девушка на мгновение тупо уставилась на него, а затем внезапно разразилась яростью и крикнула пронзительным голосом:

- Слуги! Цин Тин, Ху Де!

Ху Де быстро вбежала в комнату.

- Юная леди, что случилось?

Цзян Су Су указала на белый фонарь кролика и сказала:

- Кто это здесь поставил?

Ху Де также была шокирована, увидев фонарь.

- Я не видела этого сегодня утром; как это внезапно здесь появилось?

Услышав это, Но Но, служанка третьего ранга, стоявшая позади Ху Де, вышла вперёд и сказала:

- Это была личная служанка старшей юной леди, Бай Чжи, которая прислала фонарик сюда. Эта служанка увидела, что фонарь восхитителен, поэтому и поставила его сюда.

- А кто позволил тебе действовать по собственной инициативе? - Цзян Су Су усмехнулась. - Забрать её.

Две пожилые, но крепкие служанки немедленно вошли в комнату, схватили служанку и вытащили её из комнаты. С великой тревогой несчастная девушка просила прощения:

- Вторая юная леди, эта служанка была виновата. Вторая юная леди, простите эту служанку, эта служанка не посмеет сделать подобное снова!

Звук постепенно угас. Ху Де осторожно вложила чашку чая в руки Цзян Су Су и сказала:

- Юная леди, выпейте немного имбирного чая, чтобы согреться.

Цзян Су Су отбросила руку Ху Де. Одним движением она схватила фонарь кролика с тумбочки и яростно разорвала его на куски. В порыве гнева девушка бросила остатки на пол и растоптала их, пока ничего более не могло указать на первоначальный вид или форму фонаря.

- Цзян Жуань, эта шлюха, явно делает это сознательно. Думает ли она, что теперь достигла невероятного могущества лишь потому, что заполучила чёртв фонарь? Тем не менее это то, что не следует раскрывать другим, - Цзян Су Су села на диван и сказала: - Придёт день, когда она будет так же, как этот фонарь, терпеть издевательства и унижения от моей руки.

В такой напряжённой атмосфере Ху Де не смела ни издать какой-либо звук, ни пошевелить любой конечностью. В этот момент Цзян Су Су казалась дьяволом, совсем не похожим на свою обычную нежную и невинную личность.

Именно в это время ворвалась очень взволнованная Цин Тин и сказала:

- Юная леди, плохие новости!

Цзян Су Су уже была в плохом настроении, поэтому она с досадой сказала:

- Почему ты так небрежна и резка? Что теперь?

- Эта служанка услышала, что все утренние разговоры в столице были об этом Чжоу Да; что он был наёмным убийцей, нанятым Фужэнь, чтобы сознательно запятнать репутацию старшей юной леди, но вчера вместо этого он случайно доставил неприятности второй юной леди!

- Что?! - Цзян Су Су немедленно встала, не в силах принять всё это. Она спросила: - Откуда пошёл этот разговор? Чжоу Да признался? Это невозможно!

- Эта служанка тоже не уверена, - поспешно сказала Цин Тин. - Теперь вся столица говорит об этом так, как будто это правда.

Лицо Цзян Су Су побелело.

- Мать ясно сказала, что вопрос Чжоу Да не будет проблемой. Кто на земле может распространять такие разговоры? Это не хорошо, я должна увидеть маму, - после этих слов она надела своё пальто. - Пойдёмте, мама быстро придумает, как мне помочь.

* * *

По сравнению с ситуацией в Мэй Цин Юане, где все бегали, точно цыплята и прыгали аки собаки (1), Жуань Цзюй был оазисом спокойного отдыха.

Лу Чжу осторожно поставила на стол миску с жемчужно-хрустальным нефритовым тан юанем (2) и достала из корзины небольшое блюдо с розовыми пирожными.

- Эти дянъсини (3) - награда от старой мадам Цзян. Она говорит, что юная леди очень хорошо повела себя прошлой ночью, и предложила Цай Цюэ Цзе Цзе прислать их.

Цзян Жуань слегка улыбнулась. Старая мадам Цзян не упомянула вопрос о Цзян Су Су. Такое отношение, безусловно, было пищей для размышлений, и оказалось, что Ся Янь не смогла дать удовлетворительного объяснения ситуации перед старой мадам Цзян.

Когда Лу Чжу наблюдала, как Цзян Жуань пробовала дянъсини, она сказала:

- Юная леди, сегодня много диких слухов циркулирует снаружи. В них говорится, что кто-то намеревался подставить старшую юную леди Цзян фу, но вместо этого стал причиной несчастья для второй юной леди, - она остановилась и посмотрела на Цзян Жуань, сказав: - Я думаю, что Мэй Цин Юань сейчас находится под большим давлением. Юная леди, после этого Вы должны почувствовать великое чувство облегчения после всего этого угнетения.

Лянь Цяо сидела в стороне, вышивая. Увидев лицо Лу Чжу, она не могла удержаться от того, чтобы сказать:

- Однако, Лу Чжу, несмотря на это облегчение, убедись, что всё, что ты делаешь, абсолютно безопасно. Только не доставляй юной леди больше никаких проблем.

- Цзе Цзе, ты можешь быть уверена, - сказала Лу Чжу, довольная собой. - Всё, что я сделала, - это нашла на рынке тридцать детей, а также несколько нищих у ворот Дунчэн. Более того, я использовала медные монеты. Они никак не смогут отследить источник.

Цзян Жуань глотнула супа тан юань и сказала:

- Ты очень хорошо справилась. Кроме этого, ты сказала что-нибудь ещё?

- Как эта служанка осмелится забыть команды юной леди? - на лице Лу Чжу оставались следы колебаний. - Однако, действительно ли это было так хорошо? Статус этого человека...

- Кто бы ни помог Цзян Су Су, он мой враг; как я могу не заставить его заплатить цену. В любом случае, я просто возвращаю немного вежливости. Он принёс мне некоторое несчастье, - Цзян Жуань слегка улыбнулась, когда ответила на вопрос служанки.

* * *

Шторм слухов, циркулирующих вокруг столицы, достиг не только Цзян фу, но и фу Цзинь Ин Вана, где пожилой управляющий Линь тягал себя за длинную бороду, пока она не начала торчать во всех направлениях.

– Что нам делать? Этот слух становится всё более и более возмутительным. Кто на земле начал распространять его? Если я выясню, кто это, этот человек должен будет заплатить за последствия.

Человеком, стоящим напротив него, был Е Фэн. Пока он размышлял, то шевелил губами, но молчал.

В течение ночи, примерно в то же самое время, когда начали распространяться слухи о том, что Ся Янь наняла людей, чтобы запятнать репутацию Цзян Жуань, возник другой слух. Один из них утверждал, что Цзинь Ин Ван, Сяо Шао, глубоко привязан к Цзян Су Су, поэтому он без колебаний соврал предыдущим вечером, чтобы помочь ей выйти из затруднительного положения.

Этот слух был настолько живым и реалистичным, подробно описывая, как Цзян Су Су и Сяо Шао были солнцем друг друга, что когда управляющий Линь услышал это, он был так взволнован, что чуть не потерял голову. Старик точно знал, каким человеком был его хозяин, ведь он наблюдал, как молодой господин растёт. Он никогда раньше не слышал, чтобы Сяо Шао упоминал Цзян Су Су; если бы не этот слух, управляющий Линь, вероятно, даже не знал бы, кто такая Цзян Су Су.

– Кто же хочет запятнать первозданную репутацию Ванье? Что за человек эта Цзян Су Су, какая глубокая привязанность? Идите к чёрту!

Управляющий Линь всегда был известен своим взрывным характером. Несмотря на то, что он был преклонного возраста, мужчина всё ещё оставался в душе ребёнком, говоря всё, что приходило на ум, не задумываясь о последствиях. Е Фэн уже привык к нему и просто смотрел в небеса, симулируя невежество. В это время они услышали, как Сяо Шао зовёт из резиденции:

– Е Фэн.

Е Фэн поспешно ответил серьёзным тоном "Мастер", прежде чем уйти в резиденцию. Он увидел Сяо Шао, сидящего за столом и играющего со сложным кинжалом в руке. Молодой человек спросил:

– Вы узнали, кто это?

– Кажется, что это была девушка-слуга из Цзян фу, но охранники Цзинь И всё ещё проверяют.

Или это могла быть вторая юная леди семьи Цзян? – Е Фэн предварительно спросил. С его точки зрения, Сяо Шао был красивым, очаровательным и выдающимся. Цзян Су Су, возможно, сама распространяла слух, надеясь, что это усилит её возможность выйти замуж за Сяо Шао. Если бы слухи слишком распространились, то у Цзян Су Су не было бы выбора, кроме как выйти за него замуж.

– Это не она, – сказал Сяо Шао.

– Мастер думает, что это так...? – у Е Фэна были свои опасения, и он не мог удержаться от вопроса.

Воспоминание о сцене прошлой ночи снова разыгралось перед глазами Сяо Шао, и он вспомнил молодую девушку в красном, которая смотрела на него с таким глубоким негодованием в глазах.

Сяо Шао взял себя в руки и холодно сказал:

– Изучи старшую юную леди семьи Цзян.

* * *

Ветры слухов, циркулирующие вокруг столицы, доходили до многих мест, но, естественно, были и места, куда нельзя было попасть. Например, Лю Минь из Имперской Академии не имел ни малейшего представления о том, что произошло прошлой ночью. Он провёл последние несколько дней, готовясь к предварительным раундам имперского экзамена, который состоится через несколько дней, и тот человек, который никогда не раскрывал своего имени, всё ещё продолжал контактировать с молодым человеком. Каждый день он помещал свой ответ на стол, и другая сторона никогда не брала его, но появлялось другое письмо. Как будто человеку не нужно было смотреть на его ответ, чтобы знать, что юноша скажет. За короткий период их взаимодействия Лю Минь обнаружил, что этот человек был исключительно талантлив, и что даже когда у них были разные мнения, этот человек всегда мог убедить его, шаг за шагом. Более того, оснований для оправдания было достаточно, что заставило его поверить в этого человека.

У Лю Миня не было других друзей в Имперской Академии, поэтому он начал рассматривать этого анонимного человека как близкого друга. Сегодня на столе лежало ещё одно письмо, как обычно, но в нём не обсуждались академические вопросы. Вместо этого было только одно слово: "Удачи".

Это предлагало ему наилучшие пожелания успеха в предстоящем раунде имперского экзамена. Лю Минь улыбнулся и сохранил письмо в безопасном месте. Он повернулся и вышел из своей комнаты. Когда молодой человек переступил порог библиотеки Имперской Академии, он услышал, как люди разговаривают.

- Я никогда не мог предположить, что недавно вернувшаяся мэймэй из семьи Цзян будет такой удивительной личностью и такой невероятной красавицей. Прошлой ночью одним танцем она свергла вторую юную леди Цзян.

Лю Минь молчал, он подошёл к своему месту и сел. Конечно, молодой человек знал, что они должны были обсуждать что-то, что произошло на лодке Лин Лун во время Фестиваля Фонарей. Сам он происходил из бедной семьи и поэтому не имел права участвовать, поэтому Лю Минь понятия не имел, что именно произошло, да и не хотел знать.

- Кроме того, жизнь старшей юной леди Цзян была очень горькой. Она была отправлена в сельскую резиденцию в молодом возрасте и вернулась в Цзян фу только для того, чтобы спровоцировать такое подлое движение со стороны Цзян Фужэнь. Это так печально, - ещё один молодой дворянин покачал головой, его голос звучал сочувственно.

- Цзян Фужэнь и вторая юная леди Цзян обычно кажутся очень ласковыми и дружелюбными, как они могли так поступить?

- Эй, можно знать человека в лицо, но так и не познать его души (4). Разве вы не видели, как прошлой ночью вела себя вторая юная леди Цзян и Цзинь Ин Ван? Должно быть, что-то между ними всё-таки есть, - этот человек едва закончил говорить, когда другой учёный напротив него сказал:

- Ты говоришь таким расстроенным тоном. Ты действительно должен ненавидеть себя за то, что не являешься Цзинь Ин Ваном, а потому и не способен объявить, что с радостью женишься на такой красавице?

Все разразились смехом. В это время кто-то вошёл в дверь, одетый в дождевую шёлковую парчовую куртку и с крепко нахмуренными бровями. Это был Цзян Чао. С его входом дискуссия внезапно остановилась, но взгляды, которые следовали за ним, всё ещё таили насмешки. Естественно, Цзян Чао понял смысл их взглядов, и в его сердце сразу вспыхнул неопишуемый огонь, когда парень почувствовал, что все они смотрят на него, словно тот был каким-то клоуном. В результате Цзян Чао вошёл в комнату большими шагами и, проходя мимо Лю Миня, тяжело врезался в его стол. Неожиданно чернильница на столе Лю Миня перевернулась, и чернила попали на одежду ни в чём не повинного юноши.

Цзян Чао яростно обернулся. Несколько капель чернил попало на его шёлковые одежды. Парень уже взрывался от ярости, и теперь, когда чернила запятнали его одежду, Цзян Чао не стал дожидаться, когда Лю Минь заговорит, но двинулся вперёд, чтобы схватить, а затем выдернуть его из-за стола.

- Что ты творишь?!

В Имперской Академии Цзян Чао всегда проявлял себя мягким и тёплым человеком. Хотя он не был близок с Лю Минем, он никогда намеренно не провоцировал его. Современное поведение было результатом угрюмого настроения молодого человека. Учёные в Имперской

Академии были в основном из дворянских семей, поэтому он не мог свободно обижать окружающих. Учитывая статус людей вокруг него, Лю Минь был единственным человеком, которого Цзян Чао мог использовать в качестве груши по своему желанию.

Другие наблюдали за ним, ничего не говоря, и никто не собирался прийти на помощь Лю Миню. Цзян Чао дёрнул Лю Миня за воротник. Юноша был не таким высоким, как Цзян Чао, и не являлся таким же крепким, как он, поэтому Лю Минь просто пристально посмотрел на Цзян Чао и оставался неподвижным, сохраняя молчание.

Цзян Чао пришёл в ярость, когда не увидел в глазах Лю Миня никаких следов страха. Глубоко вздохнув, он резко улыбнулся и сказал тоном, пронизанным злобой:

- Ты испачкал мою одежду. Как ты думаешь, что нам делать?

Лю Минь обычно держался в стороне, обходя академических соучеников. Если бы он встречался с подобными ситуациями в прошлом, он бы громогласно защищал свои права, предпочитая умереть, нежели сдаться. То, что Цзян Чао говорил таким образом, было для него серьёзным оскорблением, учитывая превосходное чувство самоуважения Лю Миня, и все ждали, когда начнётся фейерверк. Однако, ко всеобщему удивлению, обычно упрямый молодой человек слегка наклонил голову и сказал:

- Я приношу свои извинения.

Все были в шоке, застыв на месте.

Каким-то образом, в ту долю секунды, прежде чем он поддался своим импульсам, Лю Минь внезапно подумал об этом анонимном человеке, который продолжал посылать ему письма. В одном из этих писем другая сторона обсуждала с Лю Минем, следует ли подчиняться тем, кто находится на более высоких и влиятельных должностях. Лю Минь предпочёл бы смерть подчинению, но другая сторона думала иначе. Незвестный сказал, что, если чьё-то сердце и характер честны и чисты, разумно и рационально будет придерживаться путей мира. Например, бамбуковые деревья в бамбуковой роще редко ломались, потому что бамбук мог изгибаться от ветра, но всё ещё сохранял свою прямую форму и гордый стан; это растение никогда не будет снесено ветром. С другой стороны, непреклонно стоящие одинокие деревья и полевые цветы, которые росли на обочине дороги, были теми, которые легче всего уничтожал ветер. Первое не знало, как согнуться, а вторые не знали, как оставаться в вертикальном положении.

Каждый должен иметь возможность проявлять некоторую степень соответствия и настойчивости. Интеллигентный человек, который способен овладеть этими способностями, сможет делать всё, что захочет.

Именно в это время Лю Минь внезапно вспомнил этот абзац в письме. Другая сторона сказала, что в делах этого мира, возможно, было гораздо труднее согнуться, чем продолжать настаивать.

Он посмотрел на довольно вялого Цзян Чао и повторил:

– Я приношу свои извинения.

Цзян Чао пришёл в себя. Он никогда не думал, что этот обедневший, надменный человек извинится перед ним, но он определённо не был счастлив. Хотя Лю Минь сказал эти слова, он мог видеть по глазам юноши, что Лю Минь был таким же надменным, как и раньше, и, казалось, издевался над его несовершенным поведением. На мгновение ярость в сердце Цзян Чао вспыхнула ещё сильнее. Он усмехнулся:

– Как ты думаешь, словесных извинений достаточно для искупления вины? Если ты сегодня не вылижешь это до чиста, даже не думай выходить из этой комнаты!

Другие учёные перестали разговаривать между собой, увидев эту сцену, разворачивающуюся перед ними. Хотя они также регулярно издевались над Лю Минем, когда дело дошло до подобного, все они были учёными и не должны быть готовы участвовать или инициировать такое унижительное поведение. Кроме того, тот факт, что кто-то столь же нежный и тёплый, как Цзян Чао, вёл себя настолько агрессивно и властно, заставлял остальных презирать его.

Цзян Чао совершенно не знал о взглядах окружающих. Единственное, что было у него на уме, – это создать Лю Миню настолько большие неприятности, насколько это возможно, чтобы он был вынужден просить милостыню перед ним. Если этот парень отказывается просить пощады, даже если ему удастся выбраться из нынешней ситуации, у Лю Миня будет много проблем в будущем. В конце концов, у него была прикованная к постели мать.

Лю Минь сжал ладони. Намёк на раздражение пронзил его естественно нежное лицо, но он очень быстро подавил это чувство. Он снял свою выцветшую внешнюю куртку и тихо сказал:

– Если это то, чего хочет мастер Цзян, то Лю Минь может делать только то, что ему говорят, – сказав это, он опустился на колени, чтобы слизать капли чернил с угла одежды Цзяна Чао.

Все затаили дыхание. Сегодняшние события были действительно слишком странными. Во-первых, то, что обычно сердечный Цзян Чао стал настолько властным, а во-вторых, что обычно одинокий, высокомерный и откровенный Лю Минь сгибает колени и проявляет терпение.

Цзян Чао всё ещё стоял на том же месте, его сердце наполнилось неописуемым гневом. Первоначально он намеревался использовать Лю Миня как средство выражения своего разочарования, но он никогда не думал, что Лю Минь будет вести себя как совершенно другой человек. Это было похоже на удар по мягкому, бархатистому хлопку. То, что явно было задумано как попытка унижить Лю Миня, каким-то образом одним взглядом из ясных надменных глаз этого ублюдка полностью изменило ситуацию, так что Лю Минь, казалось, был человеком с благородным статусом, смотрящим на него свысока.

Цзян Чао не мог смириться с этой мыслью и принялся топтать Лю Миня. Кто знал, что как

только он поднял ногу, что-то ударило парня по колену так, что он был обездвижен.

Мо Цун вышел вперёд. Он сказал:

- Там, где можно отпустить людей, нужно пощадить их. Цзян сюн, нужно ли суетиться над предметом одежды? Лю сюн не сделал этого намеренно, поэтому нужно ли расстраивать его настроение всего за несколько дней до предварительного раунда имперского экзамена? Пусть сяоди даст тебе предмет одежды в качестве компенсации, а Цзян сюн может прекратить усложнять жизнь Лю сюну.

Лю Минь посмотрел на Мо Цуна, даже не предполагая, что тут будет говорить от его имени. Цзян Чао также был удивлён, но статус Мо Цуна был таков, что юноша не мог свободно действовать против него. Таким образом, хотя он всё ещё был в ярости, но не мог выразить этого. Цзян Чао встряхнул рукавами и фыркнул, выходя из комнаты большими шагами, ни разу не оглянувшись назад.

Как только Цзян Чао ушёл, Мо Цун сказал Лю Миню:

- Всё в порядке.

Лю Минь встал и слегка стряхнул с себя пыль. Казалось, его не беспокоили чернила повсюду, когда юноша поблагодарил Мо Цуна и снова занял своё место, чтобы молча просмотреть свои свитки. Его движения были уверенными и расслабленными, без намёка на подавленное разочарование, как будто ссоры даже не произошло. Мо Цун заметил это, и в его глазах мелькнула глубокая мысль.

* * *

Учёные из Имперской Академии привыкли к таким спорам, но они не понимали, что только что сыгранная ситуация была засвидетельствована двумя людьми – Ведающим Суном и Ректором Чэнем, которые стояли у двери. Ведающий Сун был слегка рассержен.

- Цзян Чао слишком неразумный. Он думает, что в Имперской Академии может прийти сюда и проявить такое необоснованное поведение, какое ему нравится, только потому, что имеет благородное происхождение? Это приводит к такому позору для учёных!

- Его сердце было полно гнева, который он не мог контролировать, – сказал Ректор Чэнь. Они тоже слышали о событиях прошлой ночи и, естественно, знали, почему Цзян Чао ведёт себя ненормально.

- Независимо от причины, он не должен был так относиться к коллеге! – Ведающий Сун сказал с досадой. – Лю Минь удивил меня сегодня; он на самом деле знает, как уступить. Если бы это было в прошлом, я не знаю, насколько сильной была бы гроза.

Если бы это было в прошлом, с характером Лю Миня, это действительно должно было стать большим беспорядком. Несмотря на то, что, логически говоря, Лю Минь был только поводом, министр Цзян был чрезвычайно склонен к защите кого-то из своих, скрывая их недостатки, несмотря на то, что прекрасно знал, каковы на самом деле его дети, особенно его сын Ди и дочь Ди. В конце концов, страдающим человеком по-прежнему будет только Лю Минь.

– То, что он знает, как согнуться и сдаться, является самым ужасающим аспектом, – взгляд Ректора Чэня стал более глубоким. – Раньше мы мало о нём думали, но этот мальчик может сгибаться и растягиваться. Если он сможет войти в Императорский двор, то обязательно станет кем-то очень способным и высоко оценённым. Разница между ним и Цзян Чао значительна.

Ведающий Сун давно привык к Ректору Чэню, который не особо ценил Лю Миня. То, что он на самом деле спонтанно хвалил этого молодого человека в настоящее время и придерживался той же точки зрения, что и он сам, заставило Ведающего Суна почувствовать облегчение. Он сказал приятным голосом:

– Действительно, Лю Минь очень искренен и всегда честен и прямолинеен в своём поведении по отношению к другим. Поистине, редкий талант.

Ректор Чэнь улыбнулся и больше ничего не сказал.

-
1. Это поговорка, означающая погружение в хаос, полнейший переполох.
 2. Тан юань – китайский десерт, приготовленный из теста из клейкой рисовой муки, смешанного с водой, раскатанного в шарики, приготовленного и поданного либо в сочетании со сладким сиропом (например, сладкого имбирного сиропа), либо в кипящей воде с ферментированным клейким рисом, либо сильно прожареными. Тан юань может быть разных цветов и иметь разную начинку (например, кунжутную или арахисовую пасту).
 3. Dian xin (點心) – это стиль китайской кухни, включающий порции кусочков пищи, которые подаются на маленьких тарелках или в маленьких бамбуковых корзинах для пароварки. Пища может быть сладкой или несладкой. Примерами распространённых продуктов дянсяня являются жареный пирог с редькой, приготовленные на гриле свиные булочки, вареники с креветками.
 4. 人不可貌相 – человек может долгое время знать кого-то, не ведая его истинной натуры.

<http://tl.rulate.ru/book/11876/1097725>